

Алхимия духа
КОНСТАНТИН ВОРОН

ТАЙНЫЕ ПРАКТИКИ
НОЧНЫХ
ШАМАНОВ

ЭРГАРХИЯ —
НОЧНАЯ ГРУППА

Константин Ворон
Тайные практики ночных шаманов.
Эргархия – Ночная группа
Серия «Алхимия духа»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17040719

Тайные практики ночных шаманов. Эргархия – Ночная группа: Издательство АСТ; М.; 2016

ISBN 978-5-17-093781-3

Аннотация

Мир устроен совсем не так, как мы привыкли думать. Потоки Силы окутывают его невидимыми нитями, проявляясь в магических знаках и символах. Тайные знания доступны лишь избранным, среди которых шаманы Севера, жрецы Древнего Египта, индейские вожди, последователи Кастанеды...

Эти знания искали и в России. В 80-е годы исследователи, объединившись в группы, под прикрытием занятий психической саморегуляцией, в ходе своей работы пришли к удивительным результатам.

Реальные люди, реальные события.

В книге рассказывается том, что вы не найдете ни в одном другом источнике, – тайные практики, которые помогут управлять миром.

Содержание

Предисловие	5
Пролог	8
Часть 1	10
Глава 1	10
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Константин Ворон

Тайные практики ночных шаманов.

Эргархия – Ночная группа

© Ворон К., 2015

© ООО «Издательство АСТ», 1916

* * *

Я узнала, что в России есть свои линии работы, ведущие начало от сибирских шаманов. Мне удалось познакомиться с одной из них. Интеллектуальная основа совершенно иная, чем у нас, но определенные пересечения удалось нащупать. Путь эргов, можно сказать, перпендикулярен пути нагвализма, но это не снижает их ценности. Насколько мне известно, представители эргархии более активно раскрыты в социуме, в отличие от нагвалей, сосредоточенных исключительно на внутренних процессах трансформации.

Дженни Рейноутер, психолог

Сюжет держит в напряжении. Тот случай, когда хочется читать быстрее, чтобы узнать, чем все закончится. Даже если вы не любитель эзотерической литературы, книга будет интересна как необычный роман с интересным и неизбитым сюжетом.

Елена, Самара

Я в восторге от книги! Автору удивительным образом удастся держать читателя в напряжении, а техники описаны так убедительно, что после ознакомления с каждой новой откладываешь книгу и приступаешь к практике.

Светлана, Воронеж

Не так-то просто в наше время найти достойное произведение современного писателя. Это одно из них. Отдельное спасибо автору за слог – прекрасный русский язык, который не режет слух и заставляет перечитывать несколько раз каждое предложение в поисках смысла.

Ульяна, Екатеринбург

Предисловие

С Константином Вороном мы познакомились в Киеве в первой половине 80-х. Он был в числе гостей, посещавших занятия в нашей группе «Н», где мы занимались психической саморегуляцией.

В группу эту я попал несколько странным способом.

Во время очередного медосмотра в университетской поликлинике (я учился на втором курсе филфака Киевского университета) мы разговорились с врачом Галиной Н., энергичной дамой средних лет в хорошей физической форме. Разговор плавно перетек на тему паранормальных способностей. Неожиданно Галина спросила: «А ты хотел бы заниматься в группе, которая реально развивает эти способности?» Ощувив захватывающую дух возможность окунуться в неизвестное, я тут же согласился.

Группа «Н» находилась под традиционной «крышей» паранаучных эзотерических группировок того времени – НТО радиоэлектроники и связи имени А. С. Попова. Задачей, поставленной перед группой, было освоение методик подготовки операторов сложных систем. Под эту задачу, как я позднее начал понимать, составлялись отчеты, направляемые в советские надзорные инстанции, и выделялось некое мизерное финансирование. Конкретнее, речь шла об оптимизации процессов распознавания малозаметных (околопороговых) сигналов и оперативного реагирования на них в системах человеко-машинных интерфейсов. Занятия, несмотря на столь узко сформулированные цели, включали элементы самого широкого спектра разнообразных систем: йоги, цигун, боевых искусств, энергетического массажа, танца и даже обучения живописи. Но основными были техники работы со вниманием: его концентрация на определенных объектах и распределение (деконцентрация) по всему полю восприятия.

Мы занимались в полуподвальном помещении жилого дома. Оно было оборудовано под ЖЭКовский клуб. При взгляде на плакаты на стенах становилось ясно, что замысел устроителей заключался в создании ячейки, в которой жильцы повышали бы уровень политической грамотности и глубже пропитывались ценностями социалистической культуры. Наверняка, устроители были бы шокированы, узнав, что подвал используется для повышения уровня грамотности парапсихологической.

Помещение находилось в центре города. Вела группу Галина. Название группы – «Н» – произошло, скорее всего, от первой буквы ее фамилии. Кроме Галины с нами постоянно работали еще несколько *инструкторов*.

Инструкторы приглашали на занятия людей, якобы обладавших способностями к тонкому восприятию подпороговых сигналов и воздействий. С приглашенными мы должны были проводить различного рода психические интеракции. Среди гостей был и Константин. Некоторым из них, Константину в том числе, разрешалось даже вести отдельные занятия. Для меня, советского студента, неожиданно выяснилось, что в обществе существует весьма широкий круг людей, на практике занимающихся тем, о чем я урывками читал в замусолен-

ных эзотерических самиздатовских переводах книг, написанных индусами или англичанами в конце XIX – начале XX века. Сформировалось целое *Движение*.

Деятельность этих людей не оставалась незамеченной окружающими. Не понимая сути и порой немного побаиваясь участников *Движения*, им придумывали разнообразные прозвища. Звучали названия: *эзотерики, психонавты, погруженцы, йоги, энергетики, маги*. Наиболее массовый и всем известный термин *экстрасенсы* непосредственно по отношению к участникам *Движения* почему-то не использовался. Внутри самого *Движения* тоже не было единого мнения, как все это назвать. Кроме *психической саморегуляции* говорилось о *практиках работы с энергией внимания*. Применялись некоторые другие названия.

О том, что существовало еще одно тайное наименование для посвященных – *Движение деев*, или *Эргархия*, я узнал от Константина только много лет спустя.

Константин был лет на пять старше меня, давно участвовал в *Движении* и знал многих его видных участников, чем я похвастаться не мог. Нас сблизил, с одной стороны, интерес к экзотическим магическим практикам, а с другой – стремление сохранить рационально-скептическое отношение к наблюдаемым явлениям.

Ранней осенью 2009 года я в очередной раз приехал в Москву. В столице было запланировано несколько дел. Среди них – встреча с Константином.

Мы не виделись около двадцати лет, но время от времени обменивались письмами по электронной почте. В одном из них Константин написал, что ему срочно нужно со мной повидаться. Встречу назначили у Института русского языка Российской академии наук на Волхонке, где я числился сотрудником.

Мы встретились у дверей Института русского языка. С заговорщическим видом он сказал: «Отлично, что ты нашелся. Есть дело». И увлек меня в ближайшее кафе на Гоголевском бульваре, где я нередко сживал с институтскими коллегами. Мы провели около часа, вспоминая общих знакомых и обсуждая ситуацию в Киеве. Напомню, в 2008–2009 годах Украину сотрясали экономический и политический кризис. Пусть и не чета нынешнему, но по тем временам он казался достаточно серьезным. Затем Константин заявил:

– Теперь к делу. Я пишу тайную историю *Движения деев* сквозь призму своего собственного пути. Ты должен помочь мне сохранить и опубликовать ее, когда придет время.

– Но почему я? Я давно прекратил занятия и сейчас ничем, кроме лингвистических экспертиз и переводов, не занимаюсь.

– Я не могу публиковаться под своим именем. Это очередная привязка к повседневности, а мне необходимо избегать их. Ты находишься у нас в запасе, и сейчас для тебя пришло время действовать.

Я недоуменно посмотрел на него. Он подтвердил:

– Да, да. Те, кто вступил на путь *деев*, в отставку не выходят. Разве что у них бывает длительный отпуск, как у тебя. То, что ты больше не показываешься в наших кругах, можно считать скорее преимуществом, чем недостатком.

Представление о себе как о бойце резервного отряда *Движения деев* мне, разумеется, льстило, но казалось бесконечно далеким от действительности. По поводу привязок мне тут же пришла в голову строка из песни Бориса Гребенщикова с описанием обряда *чод*: «Идет йогин на кладбище отсекает привязанности». Между тем Константин продолжал:

– И потом, ты большую часть времени живешь в Германии. У вас там спокойно. Ты сможешь без особых усилий сохранить рукописи и опубликовать их, когда придет время. Возможно, и с финансированием что-то организуешь. А со мной может произойти всякое.

«Ну вот, – подумал я. – Наконец прозвучали более здравые аргументы».

– А когда, ты считаешь, придет время?

– Я должен пройти этап *Двойки*, а весь мир при этом переползет из *Единицы* в *Двойку*. Тогда и опубликуешь.

– Что еще за *Двойка* и *Единица*?

– Наберись терпения. Прочтешь первую часть истории и поймешь. Сейчас я пускаться в объяснения не буду.

Я был заинтригован и согласился. Сказал Константину, что нам нужно держать связь по телефону и электронной почте. Если он передумает и решит опубликовать историю раньше самостоятельно, он должен мне сообщить. Он кивнул: «Разумеется».

В потоке повседневных дел я начал потихоньку забывать о нашей беседе. И тут, по прошествии шести лет, Константин позвонил мне и объявил: «Первая часть готова». Вскоре после этого по электронной почте пришел сам текст. Выполняя обещание, я его публикую.

Рукопись выходит в основном в авторской редакции. Это почти документальное повествование в жанре, который можно было бы в духе нынешних тенденций назвать *аугментированной реальностью*.

Книга представляет единственную в своем роде историю *Движения деев*, или *Эргархии*, – доселе толком неизвестного общественности синтетического направления в рамках широкой отечественной традиции саморазвития.

Глазами непосредственного участника событий читатель будет наблюдать становление личности практикующего и, вероятно, сможет самостоятельно сделать первые шаги по пути *Эргархии*.

Книга является путеводителем по чрезвычайно эффективным практикам *Движения деев*. При последовательном выполнении они приводят к полному раскрытию волевого потенциала личности, ломают привычную картину окружающего мира, а также позволяют с достаточной степенью свободы влиять на окружение и изменять его в нужном направлении.

Ценность повествования – не только в точной передаче атмосферы *Движения Эргархии*, но и в детальном описании методов и приемов работы. В нем могут найти для себя много полезного все, кто стремится заглянуть за известные грани собственной психики. Например, еще раз убедиться, что какие-то упражнения они выполняют правильно, а какие-то практики, возможно, ни к чему не ведут. Все же необходимо предупредить: полномасштабные занятия без опытного инструктора категорически не рекомендуются.

Повествование основано на реальных событиях. Еще живые участники событий смогут узнать себя: кто-то легко, кто-то не очень. При этом присвоенные Константином клички вместо имен и фамилий делают такое узнавание практически невозможным для тех, кто не участвовал в событиях.

Если кратко рассмотреть культурно-философские корни описываемого пути, то, наряду с очевидными параллелями с ритуалами славянского язычества (славяно-языческий привкус присутствует уже в самом названии «*деи*»), путем тольтеков, или нагуализмом, как он представлен у Карлоса Кастанеды и его «школы», а также с шаманскими практиками разных народов, напрашивается и менее очевидная параллель с тибетской йогой – традицией *шести йог Наропы*. Во второй из этих йог йогин также возвращает в себе особое *иллюзорное тело* – отдаленный аналог *волевого существа* у Константина, которое затем используется для трансформации.

Леон Иванов

Мюнхен – Москва, июль 2015 года

Пролог

– Напиши обо всем, когда войдешь в *Двойку*, – сказал мне *Инструктор*.

Он уже находился в начале самого трудного периода *Преобразования – Двойки*. Я впервые видел его таким бледным и исхудавшим. Всего месяц назад созданное им *Волевое Существо* покинуло его тело и сознание. Это всегда драматично, если не трагично. После 12 лет периода *Двойки* оно либо вернется к нему – и для него наступят 8 лет *Тройки*, либо нет – и это будет означать, что он потерпел магическое и метафизическое поражение. У меня же начиналась *Единица*. Я был самоуверен и полон сил. *Изменение груза при сохранении равновесия* – так называлась наша беседа.

– Напиши, – повторил он, – сейчас весь мир переходит в *Двойку*, и нужно собрать все, что уцелело от *Единицы*. Потому все *двоечники* и пишут. И ты напишешь.

Он посмотрел мне в глаза:

– Для тебя *Единица* наступает сейчас. А когда войдешь в *Двойку* – напиши о *Нуле*. В *Единице* тебе будет скучно и смешно писать для уличных идиотов. А в *Двойке* ты снова станешь таким же, даже еще хуже. Ты вспомнишь все и начнешь жить воспоминаниями о *Единице* и предвкушением *Тройки*. Вот тогда и запишешь – тебе будет полезно просмотреть свой опыт *снизу*. Придешь через шесть лет, расскажешь о своей *Ночной группе*. Не ищи связи с остальными *двоечниками*. Если твоя *Единица* начнется правильно, все придет само собой, и я познакомлю тебя с *Четверкой*. А сейчас иди и работай.

– А как же Правило № 1 – «Знания *Ночи* никогда не передаются *Днем*»?

– Мир изменился. *День* высказал все, что мог. Теперь *Ночь* должна рассказать о себе. Пришло *время перемен*, которого мы ждали столетиями. Правила меняются. Это долгий процесс. Когда *ночные знания* превратятся в *дневные*, *Ночь* породит новые реальности. *День* единственен. *Ночь* бесконечна.

Потом, правда, выяснилось, что все гораздо сложнее. *Время перемен* коснулось и *ночных групп*. И оказалось для нас весьма драматичным. А для некоторых – трагичным.

И вот я в *Двойке*. И начал писать. Это очень больно – очутиться в *Двойке* после всего, что было в *Единице*. Там у меня была своя *Ночная группа*, и я знал о *Единице* все, что должен знать *Дей нашей линии*. *Инструктор* и люди *Единицы* называли идущих по пути воли *Деями* – действующими, в отличие от всех остальных – *страдающих*. А учение *Деев* получило название *Эргархии*. Это название очевидно стало своеобразной данью наукообразию, которому *Деи нашей линии* предавали столь большое значение.

Для понимания *Единицы* необходимо знать подготовительный этап – *Нуль*. О *Нуле* я и начал писать. Мне еще предстоит описать *Единицу* с позиции «уличного идиота», как любил говорить мой *Инструктор*.

– *Двойка*, – говорил мне *Инструктор*, – это либо пародия на Богооставленность, либо ее символическое отражение в мире *деев*. Отражение становится пародией в случае неудачи *Преобразования*. *Двойка* – это время неопределенности. Никто не знает, вернется ли к *дею*

то *Волевое Существо*, которое он создал и вырастил за 12–16 лет *Единицы*. А это зависит от того, стало ли оно *реальностью*, или осталось лишь *описанием*. Различить их, находясь в *Единице* или *Двойке*, невозможно. Если *Волевое Существо* реально, оно возвращается и происходит *Воссоединение*. С этого момента начинается *Тройка*.

«Вступая в *Единицу*, мы делаем *негарантированный выбор*. Это страшный выбор, – говорил мой *Инструктор*. – Ты можешь потерять все, либо выиграть многое. Самое неприятное – ты не знаешь: *реальность* преподает тебе в *Нуле Инструктор* или *описание*. Когда узнаешь – будет поздно. Двенадцать лет *Единицы* пройдут напрасно, придется начинать все сначала».

Двадцать девять лет назад я сделал выбор. Мне повезло – *Волевое Существо* вернулось к моему *Инструктору* и, завершив *Двойку*, я смогу продолжить свой путь. Если мое *Волевое Существо* вернется ко мне. А узнаю об этом я только в 2021 году.

Я заявляю, что мое описание правдиво и точно. Я ничего не прибавил и думаю, что ничего не исказил. Я лишь заменил имена и фамилии кличками. Кроме того, я не указываю точной хронологии событий. Сделано это по требованию *Инструктора*.

– Свои узнают, а чужие пусть попотеют, – сказал он при нашей предпоследней встрече.

На самом деле для такой легкой маскировки есть свои причины. «Изменять Мир нужно правильно», – такой лозунг висел на стене у одного из моих учителей, *Скандинава*.

Часть 1

Глава 1 Дзен

Обычно воспоминания начинаются с обстоятельного рассказа о себе, семейном окружении и прочих неинтересных подробностей. Но моя книга – рассказ о пути *Деев*, или *Эргархии*, и потому я сообщу о себе лишь то небольшое, что позволит понять, как я очутился в их мире, который со временем стал и моим.

Я родился в Москве в обычной интеллигентной семье. В тот год, когда начался мой путь в мир *Деев*, я учился в Московском государственном университете, на третьем курсе механико-математического факультета. Заканчивался июнь, летняя сессия была позади. Мне только что исполнился двадцать один год. На следующий день после этого события мама преподнесла мне сюрприз, не догадываясь, чем этот подарок обернется для ее сына.

– Люда и Гриша приглашают тебя недельки на две в гости, – сказала она, войдя в мою комнату.

Люда – моя тетя, мамина младшая сестра, а Гриша – ее муж. Они жили в Киеве. Гриша, человек буйный и веселый, часто бывал в Москве и обычно останавливался у нас. Он всегда привозил «Киевский торт» для мамы и пару бутылок «Перцовки» для отца, которые распивали в первый же вечер его приезда. Питие сопровождалось занимательными рассказами о киевской жизни. Как говорил Гриша – «из жизни поведенных ученых». Поведенных на магии и колдовстве.

Наверное, эти рассказы создали вокруг его родины какой-то особый магический ореол. Подобно тому, как многие иностранцы всерьез думают, что в Москве зимой медведи бродят по улицам, мне казалось, что на каждом перекрестке Киева можно увидеть ведьм, прилетевших на помеле прямо из Конотопа.

– Отвезешь это письмо в киевскую лабораторию биоэлектроники, – сказала мама и вручила мне пакет, – Гриша поможет ее разыскать.

Моя мама увлекалась Рерихами и биополями. Она посещала занятия в лаборатории биоэлектроники, которая располагалась в то время в Фурманном переулке. Это была общественная организация, возникшая по недосмотру тогдашних властей. Ее филиалы расползлись по всему Советскому Союзу. Те, кто там занимался, называли себя экстрасенсами. Мама приводила туда и меня.

Экстрасенсы щупали биополя, видели ауру, предсказывали болезни и тайком их лечили. Я тоже пробовал ощутить биополе. Надо сказать, что кое-что действительно получалось. Я чувствовал рукой край стола при закрытых глазах и даже видел свечение вокруг голов самых продвинутых экстрасенсов.

Одно только не удовлетворяло меня на Фурманном – там не было никакой тайны, не было ничего магического, ничего запредельного. Сухие научнообразные рассуждения о биополе, энергоинформационных полях и матрицах. Плюс Агни-йога. Мне же хотелось той сладкой жути, которой были пропитаны книги о тибетских ламах и африканских колдунах.

В то время моя голова напоминала мусорное ведро, заполненное объедками самых разных оккультных школ. Я побывал в нескольких группах, участвовал в экзотических сеансах медитации, но каждый раз уходил разочарованным.

Руководители школ оказывались или слащавыми проповедниками банальных истин, или сексуально озабоченными шарлатанами, которые стремились не столько передать своим ученикам древние знания, сколько затащить в постель наивных девочек. Впрочем, встречались и умные люди, хотя и зацикленные на идее своей богоизбранности. Больше всех мне импонировал Вар Авера, но вступать в его секту не хотелось из-за царившей среди его адептов атмосферы какой-то болезненной извращенности, демонстративной агрессивности и жестокости.

В лаборатории на Фурманном глухо враждовали между собой тайные группировки. В соперниках они видели ставленников темных сил, а к провинциальным лабораториям относились как к союзникам или противникам в борьбе за влияние в своей среде. Молодая киевская лаборатория считалась ветвью той группы, к которой принадлежала моя мама. К ее письму прилагалась схема прибора, позволявшего получить кирлиановские свечения – «изображения биополей». Какие-то тонкости в строении прибора позволяли определять «темные составляющие» свечений и тем самым разоблачать «агентов тьмы».

Кирлиановские свечения представляли собой странную загадку. Университетский курс физики позволял полностью объяснить механизмы свечения предметов в высокочастотном электромагнитном поле, из-за чего слова солидных обитателей Фурманного – профессоров и академиков – о «фотографиях ауры» вызывали у меня ехидную усмешку. Теперь-то я понимаю, что в их словах проступали пусть и беспомощные, но все же реальные попытки отразить войну, идущую на грани *Дня и Ночи*. Для них кирлиановские свечения были не физическим явлением, а тайным языком, на котором светлые и темные силы говорили с людьми.

В конце июня я вышел из поезда, прибывшего в Киев, не подозревая, что вскоре начнется приключение, которое изменит всю мою жизнь.

Тетя Люда жила в двадцати минутах езды от Вокзальной площади. Еще не было и восьми утра, как я успел позавтракать со своими родственниками. Гриша шутил над маминной «рерихнутостью», цитируя строчки из «Агни-йоги» о вреде резиновых тапочек. Впрочем, активистов лаборатории биоэлектроники он хорошо знал – киевских экстрасенсов приютили в одном из помещений института, где он работал.

– Ну, у нас эти ребята хотя бы Рерихами не страдают и послания Высшего Космического Разума по понедельникам не оглашают, – примирительно ворчал Гриша. – Все пытаются доказать, что у них там сплошная наука. Цветочки облучают, на культуры тканей в Институте генетики биополями действуют. Мути в голове тоже хватает, но протоколы ведут, статистику собирают. Делают вид, что ученые.

– Да ладно тебе, – возражала Люда, – твой начальник, и тот у них по вечерам пропадает. Я не прислушивался к их вялой перебранке и решил избавиться от пакета в тот же день.

Почему-то все лаборатории экстрасенсов обитали в переулках. В Москве это был Фурманский, а в Киеве – Чеховский. Занятия, как и в Москве, проходили по вечерам.

В шесть часов я вошел в полуподвальное помещение и обнаружил там маленький кинозал с авиационными креслами, расставленными перед белым экраном. Сзади виднелось окошечко с кинопроектором.

Ко мне вышел невысокий плотный человек с черными усами, лет тридцати – тридцати пяти.

– У меня пакет из Москвы для *Генерала* (так в дальнейшем я буду называть этого человека из-за его явной связи со спецслужбами).

– *Генерал* будет завтра, – ответил усач, – но если хотите, можете отдать пакет руководителю занятий, он передаст.

Мы прошли в небольшую комнатку. За столом сидел худощавый длинноволосый молодой человек. На вид ему не было и тридцати, но чувствовалось, что на самом деле значительно больше. На нем был белый халат, и я сразу дал ему кличку *Доктор*.

– Садитесь, – сказал он, – что новенького на Фурманном?

Я честно признался, что имею к лаборатории весьма отдаленное отношение.

– Если хотите, можете посмотреть на наши занятия, – явно из вежливости предложил *Доктор*.

Я хотел так же вежливо отказаться, но тут дверь открылась, и в комнату заглянула красивая смуглая девушка. Наши глаза встретились. И я ответил *Доктору*:

– Да, конечно.

Зал постепенно заполнялся людьми. В основном это были парни и женщины двадцати-тридцати лет, хотя встречались и сорока-пятидесятилетние. В Москве было иначе – там как раз преобладали дамы и мужчины солидного возраста.

Вошел *Доктор*. Все расселись по креслам и минут на десять погрузились в глубокое расслабление. Основную часть занятий вел *Доктор*, иногда его сменяла яркая блондинка с холодными и злыми глазами. Упражнения, которые они давали, напоминали московские – явно чувствовались заимствования. Новыми был только прием, сопровождавший «определение биополя» (будущим экстрасенсам предлагалось перевести внимание с предмета на края поля зрения), и название «ауры» – ее *Доктор* называл «иллюзией контрастных границ».

Мы сосредоточивали внимание на своих ладонях, сближая их и пытаясь ощутить упругость, тепло или покалывание. Это называлось «сенсорным шумом». Вообще, наукообразные термины были у киевлян в почете. Затем, переместив внимание на край поля зрения и проводя ладонями вдоль выставленных у стены растений с мясистыми листьями, определяли границы, на которых возникал такой же «сенсорный шум», как и в ладонях. Делали это сначала с открытыми, а потом – с закрытыми глазами. У меня уже был приличный опыт подобных занятий в Москве, и определить границы удавалось совсем неплохо.

Прозвучала новая команда, и *Доктор* разбил нас на пары. Я пробился к смуглой красавице и напросился на работу с ней. Я действительно чувствовал ее «биополе»: резкие покалывания при приближении ее ладоней к моим, теплую ауру, окружающую ее тело. Когда занятия закончились, мы вместе вышли на улицу. Было уже темно.

– Вас действительно интересуют наши занятия? – спросил она.

– Нет, – ответил я, пытаясь ее заинтриговать, – меня интересует не наука, а магия.

– Любопытно, – сказала она, – меня тоже. А что вы понимаете под магией?

Я понес какую-то околесицу. Она улыбнулась.

Мы гуляли до полуночи. Я назвал ее *Ланью*. В какой-то момент решили перейти на «ТЫ».

– Если тебя интересует магия как таковая, мы можем пойти в одну компанию, – сказала *Лань* на следующем свидании.

– Что за компания?

– Там собираются люди, пытающиеся выйти за пределы своих ограничений. Пойдем?

В Москве я вдоволь насмотрелся на «преодолевающих ограничения рассудочного ума» и «преступающих границы». Вряд ли здесь они «преодолевали» свои границы каким-то иным образом. Но мне хотелось побыть с *Ланью*, и я согласился.

Мы взяли бутылку «Славянки», прошли от Золотых Ворот мимо памятника Богдану Хмельницкому к высокому зданию, поднялись на лифте на последний этаж, вошли в киевскую квартиру, напоминавшую старые квартиры Ленинграда. В большой комнате за столом с бутылками вина сидела компания – человек восемь. Длинноволосый бородатый парень в очках рассказывал о серийной музыке и время от времени включал магнитофон с записями. Мелодии не было, но сложные преобразования созвучий завораживали. Каждый цикл состоял из 10–12 аккордов, потом наступала трех-пятисекундная тишина. Внезапно я понял, что промежутки тишины – это тоже звук. Каждый период тишины звучал по-своему, был как бы итогом предыдущего цикла и зародышем следующего.

Когда лекция закончилась, я поделился своим наблюдением и спросил бородача, правильно ли я понял прозвучавшую пьесу. Все с интересом посмотрели на меня. Бородач возбудился, стал лихорадочно размахивать руками и поставил запись старинной японской музыки.

Вначале была сложная музыкальная фраза, исполненная десятком неведомых инструментов. Затем – тишина, и фраза стала повторяться каждый раз с новым оттенком. На третьем повторении я понял, что в каждом новом цикле исчезал один из инструментов. Фразы становились все проще и проще. Наконец мелодию исполнил только один инструмент. И наступила тишина. Это было ошеломляющее переживание – в пустоте содержалась вся мелодия, исполненная на инструменте по имени Пустота.

– Это и есть магия? – спросил я, чувствуя неуместность своих слов и заливаясь краской.

– Это и есть дзен! – торжественно ответил бородач.

Все захохотали. Похоже, я был принят в компанию, хотя и был моложе остальных (кроме *Лани*) лет на десять.

Через пару дней *Лань* снова привела меня в эту старую квартиру. Теперь предстояла встреча с мужчиной и женщиной, которые получили посвящение в Германии непосредственно у популярного тогда Ошо.

На этот раз я присмотрелся к компании повнимательнее. Явным лидером здесь был невысокий голубоглазый брюнет, которого дальше я буду называть *Помощником*. Бородач-музыкант исполнял роль штатного скептика. Шел бессвязный разговор о магических практиках и о книгах Карлоса Кастанеды. Мне уже приходилось слышать это имя, но кустарные переводы его книг обходили меня стороной. Спор зашел о том, описал ли Кастанеда реальные события, или же его книги – плод изощренной фантазии. В разговоре несколько раз всплывали имена двух человек, которым я впоследствии дал клички *Барбаросса* и *Скандинав*.

Тут появились ученики Ошо, и началось нечто совершенно несусветное. Женщина (по моему, ее звали Тося) все время пыталась нас шокировать, раздеваясь и предлагая потрогать разные части ее тела. Шока, однако, не вышло, наоборот, ее вогнали в краску и посоветовали пройти обучение на берегу Днепра в их компании, чтобы избавиться от лишних комплексов. Все завершилось грандиозной попойкой...

Утром я вышел на кухню и застал там нашего бородатого очкарика (в дальнейшем я буду называть его *Локкой*), который, попивая рассол, устранял последствия похмелья и, морщась, беседовал с учеником Ошо по имени Низарган.

– Ты – клевый парень, говорил Низарган, – ты так хорошо уел Тосю. Почему бы тебе не стать саньясином?

– А я и так... ик! ...саньясин, – отвечал *Локка*.

– Ну, этого я не заметил, – содрогаясь от ночных воспоминаний, пробормотал Низарган.

– Такие ...ик! ...вещи ...надо ...ик! ...*видеть*, мой друг, – проникновенно ответил Локка, допивая стакан рассола. Тут он заметил меня и предложил:

– Поехали с нами в Бучак. Это деревушка на берегу Днепра. Там мы отдыхаем каждое лето. Ты хорошо чувствуешь дзен. Будет настоящий дзен – бред на фоне природы.

Я осторожно осведомился, поедет ли с нами *Лань*.

– Конечно, она всегда бывает там летом, – ответил *Локка*.

Это решило дело.

Люда забеспокоилась: юного племянника собирались умыкнуть неизвестные люди непонятно куда. Гриша принялся меня защищать:

– Да в этом Бучаке даже наш шеф бывал. Ему там *Доктор* свои эксперименты показывал.

Я с удивлением обнаружил, что имя *Доктора* знакомо и скептику Грише.

– Нормальные там ребята. Рыбу поудят, по лесу погуляют. Ну, на точку иногда посмотрят, ну, с рамкой полчаса походят. Главное – резиновые тапочки у них никто не запрещает, – съехидничал Гриша. – Вернется твой племянник через две недели окрепшим и загорелым.

Люда попричитала и принялась звонить в Москву. Мама, вероятно, решила, что эзотерика плохой не бывает, а новое знание всегда пригодится лаборатории на Фурманном, и отпустила меня на весь июль.

«Ракета» на Бучак отходила в семь утра. На причале собрались *Локка*, *Помощник*, я и парень с девушкой, которых после высадки в Бучаке я больше не видел. Появилась *Лань*.

– Я не смогу поехать сегодня. Жди меня там дня через два, – сказала она, поцеловала в щеку и убежала.

Она не приехала. Мы встретились только через десять лет. Ее судьба была сложна и драматична. Таких женщин Вар Авера называл черносансовыми. Ее уникальный опыт женщины-дея помог мне преодолеть последние препятствия на пути к *Единице*.

Глава 2

Живой лес

Бучак встретил нас невероятно терпким запахом цветущих трав. Буйная растительность напоминала субтропики. Перед нами был заросший деревьями склон.

Парень с девушкой побрели вдоль берега, а мы поднялись вверх и долго шли по неширокой извилистой дороге. Еще раз свернули направо. Слева было крутое возвышение, покрытое густым лесом, справа – глубокий заросший деревьями и высокой травой овраг с журчащим ручьем на дне. Потом овраг остался в стороне. Сельские хаты были разбросаны между холмами на большом удалении друг от друга и едва выглядывали из зарослей.

Минут через тридцать мы вышли на окраину села и увидели справа от дороги высокий шест с насаженным на него лошадиным черепом. В глубине заросшего травой участка на склоне горы, на котором было много елей, виднелся небольшой домик. В дверях стоял *Барбаросса* – худощавый желтоглазый мужчина лет двадцати восьми – тридцати с рыжей бородой.

Мы поздоровались.

– Наш друг из Москвы, – представил меня *Помощник*.

– Располагайтесь над хатой, – *Барбаросса* махнул рукой в сторону склона. Там, выше дома, виднелась плоская площадка. На ней уже стояла одна палатка. Вскоре к ней добавилась и наша с *Локкой*. *Помощник* ушел в домик.

Нас позвали около трех часов. Хата состояла из большой комнаты (с деревенской печью и земляным полом) и двух небольших помещений. В центре стоял почерневший от времени стол, если и не столетнего, то уж как минимум пятидесятилетнего возраста. По сторонам располагались две лавки, грубо сколоченные из досок. На подоконниках можно было увидеть самые неожиданные предметы: чугунный утюг прошлого века, медные вазы с засохшими травами и огромными колючками вместо цветов, сшитые из лоскутков разноцветной ткани занавески, пучки растений, свисающие с потолка, керосиновая лампа из стекла, нечищенного тоже, видимо, последние полстолетия, причудливо изогнутые сухие ветви.

В совокупности весь этот хлам объединялся в невероятно утонченную и законченную композицию. На стене висела инструкция по утилизации продуктов жизнедеятельности: в директивном тоне предписывалось оправляться не ближе, чем за триста метров от дома и закапывать экскременты на глубину не менее тридцати сантиметров. Инструкция была иллюстрирована изображением присевшего над ямкой и тужившегося небритого мужика.

За столом собралось человек десять: *Барбаросса*, *Помощник*, несколько загорелых мужчин с молодыми женщинами и ребята моего возраста. *Локка* от обеда отказался.

– Знаю я твои штучки, – пробурчал он *Барбароссе* и пошел наверх в палатку. Я с интересом рассматривал новых людей. Одного из них я сразу назвал *Скандинавом* – у него было совершенно нетипичное для русских лицо, похожее на лица древних викингов.

В полной тишине мы съели грибной суп, и я отправился в палатку к *Локке*.

– А где же дзен с магией? – спросил я разочарованно *Локку*.

– Будет тебе этого дерьма выше головы, – ответил он и рассказал про обычаи здешних мест.

По его словам, с середины апреля в Бучаке начиналась непрерывная сессия, посвященная расширению человеческих возможностей. Длилась она до начала осенних холодов – до конца сентября. Основная группа – *Барбаросса*, *Скандинав*, *Помощник* и еще несколько человек, которых сегодня на обеде не было. Все они ухитрились так организовать свою социальную жизнь, что власти (все же признаюсь: это был 1980 год, от социального контроля и

трудовой повинности уйти в то время было нелегко) не обращали внимания на их «паразитический» образ жизни.

Барбаросса был членом Союза художников и каждую зиму выполнял какой-нибудь большой заказ – рисовал портрет юного Ленина, например. *Помощник* играл в вокально-инструментальном ансамбле и на время летних гастролей просто исчезал в Бучаке, оставляя возможность своим товарищам без него делить свои гонорары. *Скандинав* был прописан в Москве и числился то ли кочегаром, то ли лаборантом, отдавая зарплату начальству.

Остальные приезжали на время своих отпусков и каникул, проводя в общей сложности в Бучаке от месяца до трех. Кроме того, в Бучак приезжали группы со своими предводителями из других городов. Таким образом, все лето шел непрерывный обмен новыми практиками.

Бучак располагался на Трахтемировском полуострове, вдававшемся в Каневское водохранилище. Кроме бучакского сообщества в Трахтемирове практиковали десятки других групп. Подобного заповедника эзотерической работы в то время не было ни в одном другом месте Советского Союза. *Локка* назвал имена известных московских и питерских практиков, которые каждое лето приезжали сюда. Некоторых из них я хорошо представлял себе по рассказам мамы, других встречал на Фурманном.

Рассказ *Локки* прервало появление новой группы. Орава из семи-восьми человек с рюкзаками и палатками ввалились в дом, оглашая окрестности громкими криками.

Судя по всему, их ждали. Среди прибывших я узнал *Доктора*. Пообедав, они прошли мимо нас, поднялись в гору и исчезли в лесу.

– А в чем особенности тех практик, что предлагаются здесь? Ты говорил, что здесь будет много дзена и много бреда. Это действительно дзен? – спросил я *Локку*.

– Смотря что называть дзеном. Здесь каждое лето разыгрывается спектакль, а режиссером является *Барбаросса*. Это сложная магическая система, которая либо пожирает новичков, либо закаляет их. Будь моя воля, я бы давно это сборище разогнал, но это не в моих силах – у системы много ступеней защиты. Я приезжаю сюда, чтобы помочь другим понять, что здесь происходит, уберечь от иллюзий тех, кого можно уберечь, превратить злую магию в веселый дзен. Мне кажется, ты легко схватываешь реальность и сможешь помочь мне в этом деле.

– О какой злой магии ты говоришь? – спросил я, внезапно обеспокоившись.

– Ты сам все увидишь. Давай только договоримся – каждое утро обсуждать все, что будет тут происходить. Но учти, в оборот тебя они возьмут быстро. Может быть, прямо сегодня. Научись не только впечатляться тем, что происходит, но и смеяться над этим.

Я вышел на дорогу. Слева был небольшой забор с калиткой, ограждающей дворик с колодезем. Женщина пропалывала грядки возле своего домика. Огромные деревья росли вдоль дороги.

Я прошел немного вперед. Село заканчивалось метрах в ста после хаты *Барбароссы*. Слева и справа был густой лес, потом дорога поднималась и уходила в поле, покрытое пшеницей. Обитатели нашего лагеря как сквозь землю провалились. Вокруг лишь тишина и густой воздух.

Наступил вечер. Вместо ужина *Помощник* позвал всех на «вечернюю прогулку». Мы все – я и человек пятнадцать, выползшие неизвестно из каких нор, в том числе, трое молодых ребят, которых я видел за обедом, собрались возле хаты. *Локка* остался в палатке. Ни *Доктора*, ни *Скандинава* среди нас не было.

Из дома вышел *Барбаросса*. Он был бос и одет в нечто, отдаленно напоминающее армейское «х/б».

«Вечерняя прогулка» началась с того, что *Барбаросса* велел всем снять обувь и бежать за ним, наступая на его следы.

При этом с нас было взято обещание повторять абсолютно все его движения. Тот, кто отказывался от этого условия, оставался дома. Насколько я помню, согласились все.

Сначала мы бежали по дороге, а потом свернули в лес из зарослей акаций и елей. Тут началось настоящее мучение. Бег продолжался минут сорок. Мы поднимались и спускались по оврагам, наступая на еловые шишки, ранив ноги колючками акаций, пока не добежали до крутого обрыва над водой.

Казалось, что край обрыва возвышался над гладью погружавшегося в сумерки водохранилища метров на сорок. *Барбаросса* добежал до края и... прыгнул вниз, в пропасть. Бежавшие передо мной люди свернули в сторону, не рискуя следовать за ним. За две секунды, пока я приближался к краю бездны, я подумал, что здесь явно кроется какой-то подвох, что было знакомо мне по работе с разными «тибетскими» гуру. Не мог *Барбаросса* прыгнуть вниз, зная, что сломает себе шею.

Потому, более не раздумывая, я прыгнул вслед за ним. И, конечно, угодил на пологий песчаный склон, по которому и проскользил метров тридцать. Из пятнадцати человек мой подвиг повторили лишь пятеро. *Помощника* я не считаю – фокус ему был явно хорошо известен. Остальные столпились наверху. Убедившись, что обрыв фальшивый, они с гиканьем съехали по склону вниз.

Барбаросса долго втолковывал нам, что такое «принятие решения». По его мысли выходило, что человек существует лишь до тех пор, пока придерживается принятого решения. Не выполнив его, он исчезает, и кто-то за него начинает жизнь заново. Мы этого не замечаем, потому что решения никакие не принимаем, и поэтому и не *живем*. Те же, кто *живут* (*Барбаросса* особенно подчеркнул слово «*живут*»), знают о грозящем исчезновении и потому выполняют свои решения любой ценой. Те, кто не прыгнул, закончили свою жизнь, и им предстоит появиться на свет лишь завтра. Рискувшие повторить движения *Барбароссы* до самого конца, остаются пока в живых. Оказалось, что с нами, прыгунами, можно работать дальше.

«Дальше» началось часа через четыре. Солнце давно уже зашло, и постепенно все окутала кромешная тьма. К шестерке, прошедшей испытания, присоединились две девушки, прибывшие с *Доктором*.

– Обувь лучше снять, – сказал *Барбаросса*. – Наступать на шишки больно, поэтому тело само начнет идти правильно. Старайтесь наступать на те места, на которые наступаю я. Там нет шишек. Но кто боится, может остаться в обуви.

Все сняли кеды. Я посмотрел на девушек. Судя по всему, ночная прогулка была для них привычным занятием.

Мы вошли в еловый лес и шли за *Барбароссой*, стараясь тщательно наступать на его следы. Правда, как находить его следы, если даже ноги не видны в полной темноте, было непонятно. Под моей пяткой сразу же оказалась еловая шишка. Ощущение было болезненным. После седьмой шишки я подумал, что здесь тоже скрыт какой-то подвох. *Барбаросса* и девушки шли бодро. Остальные корчились от боли. Вдруг я почувствовал общий ритм и смирился с неизбежностью страданий. Но боли уже не было – шишки куда-то исчезли. То ли я понял, чего хотел от нас *Барбаросса*, то ли мы вышли за пределы елового леса.

Я шел с открытыми глазами, хотя мог их и закрыть – темнота скрывала от меня не только деревья, но и идущих впереди людей. Ориентироваться приходилось по звукам. Легкое потрескивание впереди, такое же – сзади. Я поймал себя на том, что иду как кошка – на полусогнутых ногах, мягко ступая по скрытой темнотой земле.

Шли мы часа два, не меньше. Однообразный ритм убаюкивал. В воздухе повисла тишина, было только слышно лишь сопение, приглушенные шаги и легкий треск веток под ногами. Мне казалось, что я плыву в толще темной воды. По телу расплзалось теплое спокойствие.

Вдруг я почувствовал какой-то неопределенный, но резкий толчок в теле, сразу же сбросивший с меня сонливость. Я невольно остановился. Судя по всему, группа почувствовала то же самое. Шуршание ног и треск под ногами затихли. Тут я увидел контуры стоявших впереди людей. Перевел взгляд влево и обнаружил пятно серебристого света.

Это была поляна. Ясно были видны кусты. Я автоматически отметил явную несурязицу – луны не было. Уж не помню, было ли новолуние, или просто густые тучи скрывали ее свет, но тьма стояла полнейшая, а поляна явственно светилась. В ее свете была видна вся группа.

Я присмотрелся. Свечение исходило от каждой травинки. Оно становилось все ярче. Я различал уже не только контуры, но и лица своих спутников. Казалось, что над поляной поднимается светящийся пар. Я поразмышлял над чудесами, которые преподносит нам природа, и вдруг меня накрыла волна тревоги. Буквально через мгновение раздался отчаянный женский вопль. Одна из девушек (по-моему, ее звали Велей, больше я ее не встречал в Бучаке) застыла на тропинке и вглядывалась в темноту прямо перед собой. Она стояла спиной ко мне. Ее лица не было видно, но от ее фигуры исходило ощущение безграничного ужаса. Страх коснулся и меня.

Внезапно раздался резкий хруст ветвей – *Барбаросса* прыжком оказался перед девушкой и, развернувшись вперед, принял странную позу: он полусогнул ноги, прогнулся в спине и выставил вперед слегка согнутые в локтях руки. Поза выражала непоколебимую решимость. Я почувствовал всем телом, как перед перепуганной девушкой возникло защитное поле. Она успокоилась. *Барбаросса* продолжал стоять в напряжении. Потом он расслабился, и мы побежали дальше.

Поляна осталась далеко позади. Мы снова погрузились во тьму. Но на этот раз я уже чувствовал дорогу, чувствовал направление. Событие было интригующим. Я догнал *Барбароссу*, определив его по ровному дыханию.

– Что это было? – шепотом спросил я его.

– Молчи, поговорим утром, – ответил он.

Еще через час мы прибежали к хате. Молча разошлись. *Барбаросса* ушел в дом. Начался рассвет.

Поспать удалось не более трех часов. В палатку заглянул *Помощник*, подергал меня за ногу. Выглянув наружу, я обнаружил, что на площадке собралась толпа – человек тридцать.

Помощник предложил всем сесть. Я заметил, что большинство садится в позу, напоминающую позу бойцов карате – колени вместе, ягодицы на разведенных пятках. Поза вызывала ощущение спокойной силы. Я тоже аккуратно присел на свои пятки.

Помощник огласил расписание на ближайшие дни: в шесть подъем, разминка и занятия по программе психической саморегуляции. (Термин «психотренинг» появился значительно позже, а в восьмидесятые годы было принято говорить о «саморегуляции».) Затем, в десять часов завтрак, сбор дров, грибов и ягод. После двенадцати большинство продолжают занятия, а три человека готовят пищу. После обеда – свободное общение с *инструкторами* до вечера. *Помощник* так и сказал – «с *инструкторами*», слово «учитель» употреблять категорически запрещалось, считалось, что это дурной тон «уличных групп». Ужин и общий костер обязательны. Занятия рассчитаны на две недели. Кормит всех в основном лес, но необходимы спички, соль, сахар, хлеб, а иногда и мясо. Их покупают в ближайшем селе в магазине. Поэтому всех попросили сдать по десять рублей.

Помощник отсчитал первую тройку дежурных по кухне, затем вторую, и так далее. Всего получилось семь троек. В их число не попали *Барбаросса*, *Помощник*, *Скандинав*, *Локка*, *Доктор* и еще три человека – грузный верзила ростом под метр девяносто (я его назвал *Толстяком*), молодой парень с красным родимым пятном на щеке (он получил от меня кличку *Меченый*) и субъект с голубыми глазами и хитрой улыбкой. *Доктор* называл его *Черногорцем*, эту кличку я за ним и сохранил. Судя по всему, это был начальствующий

состав. Впрочем, присутствовали не все наши наставники. С остальными я познакомился позже.

Помощник закончил свою речь. Поднялся *Меченый* и скомандовал всем бежать за ним. По ходу бега *Меченый* объяснял, как расслабляться при нагрузках. Нужно было последовательно расслабить руки, торс, лицо. Представить голубой кокон вокруг тела...

Наш инструктор тщательно следил за степенью расслабления всех мышц, не участвовавших в движениях и поддержании прямой спины. Он подбегал к каждому, кто начинал напрягаться, и указывал на напряженную часть тела. Километра через три вместо голубого кокона мы начали представлять красную полусферу, охватывающую ноги и живот, и воображаемую голубую полусферу, окружающую голову и грудь. Этот прием резко повысил общий тонус, тело стало необычайно легким и энергичным.

Бег продолжался около часа. Усталости не было. Наоборот, я почувствовал возбуждение и готовность работать. Не прерывая бега, мы вернулись к исходному пункту. Группа разместилась на большой площадке. Трава на ней была выкошена. Когда мы сели на землю по семь человек в ряд. Густые заросли по краям площадки полностью скрывали нас от случайных прохожих, бредущих по дороге. На краю площадки был вбит в землю шест с доской, украденной, наверное, из местной школы несколько десятилетий назад. Культ старья здесь выдерживался особо тщательно.

Появился *Доктор*. Все уставились на него с демонстративным почтением. Он вывесил на доске большие листы ватмана, на которых были нарисованы черные кружки. Дал инструкции. Нужно было сосредоточить свое внимание сначала на одном кружке, потом на двух сразу, а затем, скосив глаза, соединить оба изображения.

Судя по всему, почти все знали, о чем идет речь. Но я не вполне понимал, что от нас требуется, и какой должен получиться результат. *Доктор* попросил меня пересест на задний ряд и стал вполголоса объяснять.

– Ты видишь два круга?

– Да.

– Скоси глаза, сведи их к переносице. Видишь, круги раздваиваются?

Круги действительно раздвоились, но при этом вышли из фокуса и стали размытыми.

Потом правый кружок напоз на левый, и они скачком соединились. Изображение опять вошло в фокус. Передо мной были три черных круга – один яркий в центре и два фантомных по краям – изображения попадали в разные глаза.

– Повтори несколько раз, – сказал *Доктор*.

Следующие попытки были более успешными. Глазные яблоки стали управляемыми, напряжение исчезло. Вскоре я свободно соединял кружки.

– А теперь сосредоточь внимание на одном из них.

Я сосредоточился. *Доктор* посоветовал смотреть на кружок, как на «дичь, ускользающую от внимания охотника в зарослях мыслей». У меня получилось.

– Теперь на двух кружках сразу.

Я сделал.

– А теперь соедини кружочки, сохраняя концентрацию.

В момент соединения кружков я почувствовал такой же толчок, как ночью в лесу. Все внимание было поглощено центральным изображением. Это длилось секунд тридцать.

– Теперь ты понимаешь, что такое концентрация? – спросил *Доктор*.

Я кивнул.

Доктор опять занял свое место перед группой. Он предложил сосредоточить внимание по краям поля зрения, а потом распределить его по всему пространству перед собой. Это называлось *PB* – *растворение восприятия*. Часто его называли просто «*Растворение*». Некоторые, правда, утверждали, что аббревиатура означает «Реакция Вассермана»...

Растворение мне удалось с первого раза. Вначале внимание металось между разными деревьями, потом я вдруг увидел два ствола – слева и справа. В этот момент возникло очень странное состояние отключения от поля зрения. А затем я ощутил движение сквозь обозреваемое пространство. Перед глазами возникли сложные узоры, составленные из ветвей деревьев, трав, облаков. Узоры согласованно менялись. Было впечатление единого движения облаков, колебаний травяных стеблей, покачивания голов сидящих напротив людей. Потом эта картина пропала, и я вернулся в прежнее состояние. Повторить *PВ* не удалось. Вскоре занятие закончилось.

Подходило время обеда. Уже прибыли две «ракеты» из Киева, а *Лань* так и не приехала. Я ощутил отчетливый порыв вернуться в город, но утешил себя тем, что она может приплыть любым рейсом, и есть опасность разминуться. Потом я поймал себя на том, что на самом деле у меня появился интерес к занятиям. Кроме того, *Барбаросса* собирался объяснить, что скрывалось за чудесами в лесу. Чего испугалась девушка?

Барбаросса сидел на крыльце дома. Я подошел.

– Вы обещали объяснить, что же случилось ночью.

– Это была встреча с *олли*.

– С чем???

Я еще не читал книг Карлоса Кастанеды, и слово *олли* было мне незнакомо.

– Ну, с лешим, если хотите, – *Барбаросса* со всеми был подчеркнуто на «вы», даже с *Доктором* и *Скандинавом*, хотя было видно, что их связывает не только практика, но и давняя дружба.

– С лешим???

– Понимаете, лес, по крайней мере, бучакский – это живое существо. Его клетки – деревья, муравьиные кучи, кабаны, ручьи. И у него есть свои мысли. Вот на такую мысль мы и наткнулись. Вы ведь натыкались на мысли других людей? Когда человек что-то говорит, но думает о чем-то другом? А иногда он думает о вас плохо, и вы чувствуете это. Вот и Валя наткнулась на мысль леса.

Я не понимал, о чем он говорит.

– Хорошо, можно сказать сущность, сгусток энергии, лярвы, силы. Но это все неправильные слова. Леший – это и мысль леса, и отдельное существо, построенное из материи сознания, но не нашего, а сознания леса. Поэтому он не может причинить вреда, если вы его не чувствуете. Но если чувствуете, значит, соединяетесь с ним, а это уже канал, с помощью которого он может заставить вас что-нибудь сделать, увидеть или, наоборот, не заметить что-то важное. Валя почувствовала лешего, и я ее на всякий случай защитил.

– Как?

– Я построил иероглиф разъяренного лесного жука. Лешие не понимают наших слов, но понимают иероглифы.

– *Иероглифы*???

– Ну да. Египетские иероглифы. До нас дошли, собственно говоря, только их изображения. Но когда понимаешь язык иероглифов, можно сделать их живыми.

– А как человек может почувствовать лешего?

– *PВ*, удача и внутреннее сходство. Нужно, чтобы ваш *иероглиф* включал в себя *иероглиф* лешего.

– ???

– Ну, у вас есть имя? Если на улице вас окликнут – обернетесь? Но это, собственно говоря, ваше социальное имя, которое дали родители, потому что так принято. Но есть имя, которое вы получили от Вселенной в момент зачатия. Это и есть *иероглиф*. Он проявляется в манере ходить, говорить, одеваться. Существует несколько тысяч человеческих *иероглифов*, хотя самых распространенных всего лишь две-три сотни. Есть куча иероглифов, которые

достались миллионам людей, а есть такие, которые получили при зачатии только единицы. У леших всего восемь *иероглифов*, и они включают в себя только часть некоторых человеческих иероглифов. Вот смотрите.

И он начертил на земле линию с двумя ответвлениями, напоминающую рогатку.

– Вот это *иероглиф* лешего. А этот – человека.

Барбаросса заключил рогатку в круг и пририсовал внизу линию, напоминающую хвост.

– Видите? *Иероглиф* человека включил в себя *иероглиф* лешего. Когда встречаются такие конфигурации, они чувствуют друг друга, понимают и могут общаться. В первый раз, правда, это страшно. Вот Валя и испугалась.

– А у вас и лешего *иероглифы* совпадают?

– Нет, но я умею их делать. Восемь *иероглифов* – сущий пустяк. Если захотите – поговорим позже.

Барбаросса церемонно откланялся и ушел в дом. Вместо понимания беседа вызвала недоумение. Слова «поговорим позже» были, судя по всему, главными в его лексиконе.

До обеда оставалось еще полчаса. Я поднялся к своей палатке. На траве загорал *Локка* – бородатый, флегматичный, ироничный. Он понимающе посмотрел на меня и, ехидно улынувшись, предложил пообедать. Похоже, он предпочитал питаться отдельно. *Локка* вытацил банку с консервами и накормил меня. Я сразу почувствовал к нему доверие.

– Это и есть дзен? – иронично спросил я.

– Это херня, – ответил он. – Игры *Барбароссы* и *Доктора*.

Судя по тону, он их несколько недолюбливал.

– Они играют здесь в магию. Я думаю, ты этому не поддашься. Давай лучше поговорим о серьезных вещах.

– А почему ты тогда здесь? – спросил я. – И ведь именно ты пригласил меня сюда, причем именно на магическую практику. А вчера ты сказал, что превращаешь злую магию в веселый дзен.

– Я и хочу, чтобы ты помог мне произвести это превращение.

– Тогда объясни мне, что такое магия и что такое дзен.

– Для *Барбароссы* магия – способ выкачать энергию из ближнего. Для *Доктора* – серьезная наука. *Барбаросса* покажет тебе, как эксплуатировать и привязывать к себе людей, *Доктор* обучит приемам саморегуляции, остальные – своему ремеслу. Я – дзен и настоящей йоге, приспособленным для местных условий. Нет ни одного места в мире, где бы все это можно было получить сразу, сравнить, взять то, что нужно тебе, и отбросить чепуху.

Я свое предназначение вижу в том, чтобы помочь отбросить чепуху. Есть реальные явления, но есть и их корыстное использование. Очисти все, что ты здесь видишь, от магического шарлатанства, и ты увидишь сияющий дзен. Но поначалу опасайся *Барбароссы*. Он умеет создавать иллюзии.

– Так *Барбаросса* врет, когда говорит о леших?

– Я предпочитаю говорить о том, что можно проанализировать, а он – о том, что нельзя рационально понять. Ну что можно разумного сказать о леших? Вот он и говорит загадками, чтобы привязать тебя к себе, заставить интересоваться тем, что невозможно объяснить. Он не врет, он нащупывает вход в твою душу, чтобы завладеть ею. Он будет объяснять тебе все непонятное и завораживающее, но так, чтобы ты сам отдал ему себя. Он уже сказал тебе свою любимую фразу «А об этом поговорим завтра»? Он ведь привязывает тебя к себе этими словами, переносит интерес к себе на завтра, добавляет тебе лишнюю причину задержаться здесь. Когда я вижу все эти мелкие хитрости, то понимаю, что можно и крупные инсценировки создать. Изучай, что они делают, обнаружь их ложь.

– Как?

– Думай. Самое ценное, что у нас есть – мышление. Нет ничего такого, что нельзя понять, трезво размышляя. Запомни: первый шаг к дзену – это освобождение от обаяния *Барбароссы*.

Я встревожился. С одной стороны, я ночью явственно ощутил толчок на светящейся поляне, и это придавало достоверность словам *Барбароссы*, с другой – глупо было бы попасть в ловушку, которую видят другие.

После обеда *Доктор* вывел нас в лес. Из «начальствующего состава» к нам присоединился только плотный короткостриженный субъект с оттопыренными ушами. Такие типы обычно исполняли в кино роли отпетых уголовников. Я назвал его *Упырем*.

Мы сели напротив группы деревьев, качающихся под ветром, и повторили *РВ*. *Упырь* расположился позади группы. В дальнейшем во время выполнения всех наших упражнений он неизменно оказывался в этой позиции. Однажды один из моих товарищей спросил его, почему он всегда садится сзади. «Тыл стерегу», – мрачно ответил *Упырь*...

– Постарайтесь видеть картинку всем телом, – распорядился *Доктор*.

Я не понял его слов, а потому сосредоточил внимание на краях поля зрения, произвел *растворение* и вновь почувствовал скользкое движение сквозь лес. Ветви деревьев, шевеление трав, летающие жучки и бабочки образовали слитный узор – единый трепещущий организм с сотнями внутренних движений. В какой-то момент я вдруг явственно ощутил, что не ветер качает деревья, а это в них происходят таинственные процессы, заканчивающиеся движением. Ветер был скорее их агентом, мышцами деревьев и трав.

Лес, погруженный в дымчатый глицериноподобный студень, походил на скелет сложно организованного живого существа, окруженного едва светящейся оболочкой. Она медленно изгибалась, меняла свои очертания, а внутри, как переносчики нервных импульсов, по четким изогнутым линиям металась осы и мухи. Это видение, как и на утреннем занятии, длилось несколько секунд. Я вдруг понял, что имел в виду *Барбаросса*, когда говорил о леших, как мыслях леса. Но выразить в словах это понимание не удалось. Оно растворилось, как воспоминание о сне.

Я вышел из круга. *Доктор* подошел ко мне и выслушал мой рассказ.

– Пойди, отдохни, – сказал *Доктор*, – на сегодня с тебя достаточно.

Смеркалось. Я почувствовал приступ одиночества, какого не ощущал никогда прежде, и побрел к дому, надеясь, что *Лань* уже приехала, но вместо нее обнаружил стриженую голову и торчащие уши *Упыря*. Он о чем-то беседовал с *Барбароссой*.

Мне остро захотелось прикоснуться к руке *Лани*, оказаться в чистой комнате тети Люды, послушать ядовитые рассказы дяди Гриши – захотелось в Киев. Но потом я буквально задрожал от любопытства. Природа, люди, события, смутная вражда *Локки* и *Барбароссы*, два необычных переживания – происшествие в ночном лесу и видение живого тела леса – все это дышало силой и реальностью, которые я никогда не ощущал в пропитанной бензиновыми парами Москве. И я решил остаться здесь на те две недели, о которых говорил *Помощник*.

Костер разожгли около десяти часов вечера. Над нами раскинулось иссиня-черное небо, усеянное огромными звездами. Кто-то принес корзину с сыроежками, их накалывали на ветки и разогревали над костром. Сыроежки пузырились кипящим соком, их жадно поедали. Это здесь называлось ужином.

Общего разговора не получилось. Трапезничающие разбились на отдельные группки, и каждая оживленно обсуждала свои темы. Я подсел к тройке молодых ребят, которых заприметил еще утром. Мы познакомились. Один из них был из Питера, другой – харьковчанин, третий – киевлянин. В Бучаке они оказались уже второй раз. Прошлым летом здесь происходили подобные сборы. Они хорошо знали старожилы – *Барбароссу*, *Локку*, *Помощника*, *Доктора*, *Толстяка*, *Меченого*, *Скандинава*, *Черногорца* и *Упыря*. Из прошлогоднего «рядо-

вого состава» на этот раз кроме них приехали только два человека – парень и девушка. О том, чем занимались в прошлый раз, рассказывали мало. Я спросил о *Толстяке*. Харьковчанин рассказал, что тот умеет заживлять раны. Одна девчонка распорола ножом руку чуть не до кости. *Толстяк* положил на рану свои ладони, остановил кровь. Потом прикрыл глаза, стал причмокивать губами, и края раны сошлись. Когда она уезжала, от пореза остался только узкий белый шрам.

Я вспомнил о ночном приключении. По их рассказам, такое было и в прошлом году. Но они не участвовали в прогулке, а видели ее результаты со стороны. Тогда *Барбаросса* вынес из леса плачущую девушку и бросил ее в заросли крапивы. Только после этого истерика прошла.

Те, кто был в группе в тот раз, рассказывали о светящейся поляне примерно так, как ее видели и мы. Кстати, девушка приехала и в этом году – ребята кивнули в сторону сидевшей отдельно от остальных пары.

За нашей спиной слышались оживленные голоса. Я обернулся. В отблесках костра был виден профиль *Упыря*. Он извлек из темноты нож и метнул в стоящее метрах в десяти от него дерево. Пролетев со свистом, нож вонзился в ствол. *Упырь* повторил трюк. К нему подошел *Барбаросса*. В его руках была вилка. Через мгновение вилка вонзилась в дерево. Раздался общий хохот. *Барбаросса* достал из кармана столовую ложку и тоже ее метнул. Ручка ложки вошла в дерево почти на половину своей длины. Взрыв хохота подтвердил, что на наших глазах разыгрался бессловесный комедийный диалог.

Утром все повторилось: подъем в шесть часов, бег, работа с *Доктором*. Послеобеденное время я решил посвятить беседам с основными *инструкторами*. Происходящее интриговало меня все больше и больше. Я хотел понять, что же произошло в первую ночь. *Барбаросса* прибавил новую тему – об *иероглифах*. Надо было выяснить причину вражды *Локки* и *Барбароссы*. И раскрыть для себя загадку вчерашнего ошеломляющего переживания в лесу.

Я почувствовал, что загадки будут множиться, и если я не справлюсь с неясностями сейчас, то последующие просто погребут меня под собой. А потом я понял, что во мне борются два чувства – увлеченность чем-то сказочным, что стояло за всеми практиками вчерашнего дня, тем, что манило меня последние годы, когда я искал истинного отблеска магической реальности, и раздражение от возможности нового обмана, нового подвоха, подобного тем, с которыми я все время сталкивался, общаясь с самозваными «гуру» и «магами» в Москве. Они говорили о биополях, об энергоинформационных обменах, но всякий раз за этим скрывалась мелкая, рассчитанная на невротиков, ложь.

Я понял, что преувеличиваю значимость того, что наблюдал вчера. Наверное, все собравшиеся в Бучаке осознавали, что вовлечены в интригующую игру, которая дарит острые переживания с примесью чего-то мистического, позволяет почувствовать свою причастность к миру избранных, понимающих истинный лик Реальности и умеющих ею управлять. Они понимали и подыгрывали друг другу, стремясь заслужить признание со стороны «руководящего состава». А «руководители» тешили свое тщеславие, ловя восхищенные взгляды и вворачивая восторженным участникам действия любые свои завиральные идеи.

Но существовала и сказка, надежда, что на этот раз я столкнулся не с самовлюбленными психопатами, а с чем-то настоящим. Эта готовность поверить в сказку заставляла меня придавать более глубокий смысл всем этим полянам, толчкам в теле, и иллюзиям *PB*. Отказываться от сказки я не хотел.

Я почувствовал в себе азарт следователя, решил сыграть в сыщика, дополнить игру *Локки* и «руководящего состава» своей собственной игрой. Мне шел лишь двадцать второй год, и готовность окунуться в детективную игру меня еще не покинула.

До сих пор я имел дело только с манерным *Барбароссой*, методичным *Доктором* и скептическим *Локкой*. Два объяснения происходящего противоречили одно другому. Нужно было расширять круг источников информации.

Я решил избрать путь «сопоставления показаний»: опросить как главных действующих лиц событий, так и *инструкторов*, к ним непричастных. Больше всего меня интересовали *Толстяк* и *Скандинав*. Мы еще ни разу не говорили, но я чувствовал к ним безотчетную симпатию.

Итак, вопрос первый: светящаяся поляна, толчок в грудь и ужас девушки – тщательно продуманный розыгрыш, рассчитанный на готовность к самообману, или какая-то непонятная реальность? Попробуем разобраться. Почему светилась поляна? Если это технический фокус, то как он выполним? Я вспомнил, что поляна именно *светилась*, а не освещалась. Светился мерцающим светом каждый кустик и каждая травинка. Я попытался вспомнить, отбрасывали ли кусты тень или нет. В памяти тени не удержались. Могло ли это быть природным феноменом? Флуоресценция? Поляна могла быть обрызгана флуоресцирующим раствором. Но это как-то слишком серьезно для такого невинного розыгрыша.

Далее – толчок. Это может быть просто реакция на нечто неожиданное. Толчок ничего не доказывает.

Ужас девушки. Хорошо разыгранный спектакль? Как рассказали вчера мои новые знакомые, нечто в этом роде уже было в прошлом году. К тому же девчонки пришли со стороны – они не участвовали в нашем прыжке с обрыва. Вполне возможно, что они помогают *Барбароссе* организовать спектакль и тем самым «привязать», как выразился *Локка*, доверчивых людей к себе.

Тогда следующий вопрос: повторяется ли фокус несколько раз за сезон? Если да, то на той ли же самой поляне?

Из этих рассуждений следовал простой план действий – искать поляну. Но ее просто так не найти – мы шли к ней в полной темноте, и наша дорога была чрезвычайно запутанной. Нужно узнать, ожидается ли еще один выход в лес, и, если да, то попытаться определить место светящейся загадки. А пока, во-первых, стоит поговорить с *Локкой*, во-вторых – с участниками событий и заодно со всеми старожилками о том, что же на самом деле я увидел в лесу, когда делал *PВ* с *Доктором*.

Сначала я отправился к *Локке*. Он сидел в палатке. Перед ним стояла портативная пишущая машинка. Он лениво выстукивал на ней какое-то повествование.

– Зачем *Барбароссе* привязывать людей к себе? – спросил я его прямо.

– У *Барбароссы* есть теория, что если чье-то внимание останавливается на маге, то маг при этом получает дополнительную энергию. Не только маг – любой человек. Но маг, в отличие от обычного человека, осознает этот процесс. Обычное наше внимание взаимно – на нас обращают внимание, мы обращаем. Я теряю, отдав внимание кому-либо, но и получаю обратно от того, чьим вниманием завладею в следующий момент. Есть, однако, очень сильное внимание, связанное с необычностью. Пробудить такое внимание – большое искусство. Будь уверен, *Барбаросса* дока по этой части.

– Девчонки подставные?

– Нет, просто они очень внушаемы, и *Барбаросса* неявно подводит их к появлению чувства страха.

– А я?

– Ты чувствуешь их страх, ловишь их изменившееся дыхание, и в этой напряженной атмосфере ожидания проблески поляны дают ощущение толчка. А последующая девичья истерика и тревожная поза *Барбароссы* накладываются на воспоминание и усиливают его.

– А как возникает свечение? Флуоресценция?

– Это какой-то его фокус. Не знаю как. Может быть, особые условия освещенности, когда легкая засветка усиливается общим возбуждением.

– Флуоресценты?

– Вряд ли. *Барбаросса* ленив, *Доктор* брезглив и не любит грубых обманов, а остальные просто могут проговориться.

– Простите, *Локка*, – сказал я вежливо, намеренно обращаясь к нему на «вы», – но мне кажется, что в ваших словах сквозит ненависть к *Барбароссе*.

И тут *Локку* прорвало:

– А как можно к нему хорошо относиться, зная, что он делал с близкими мне людьми? Как он, капля за каплей, высасывал силы из любящей его женщины? А как он обманывал меня своими рассказами о выходах из тела? Ты просто многого не знаешь обо всей этой компашке.

Тут *Локка* замкнулся.

– Ты лучше займись с другими – со *Скандинавом*, *Упырем*, *Доктором*. Все они тоже поведены. Каждый на своем. Но там хоть реальный материал. У *Доктора* – саморегуляция, *Толстяк* реально лечит. Насчет *Скандинава* не скажу, он для меня загадка, но различить свою сущность и навязанные воспитанием стереотипы поможет. *Упырь* – странный тип, я с ним никогда не находил общего языка, он человек не из нашего мира, но посмотри, как он метает ножи...

– Но *Барбаросса* метает лучше. И вилки, и ложки в придачу.

– Это его коронный трюк. Он разыграл его три года тому назад. Тогда *Упырь* метал ножи, здесь же, на этом месте. *Барбаросса* тоже метнул, и у него ничего не вышло. Он еще раз пять бросал – безуспешно. Тогда он сел на землю, закатил глаза – вроде как бы медитировал, а затем встал и вогнал в дерево пять ножей и вилку заодно. Я думаю, он года два перед этим тренировался с *Упырем*. Девочки, которые там были, от восхищения просто кончали. А он, как кот, объевшийся рыбой, слизывал их энергию. Он же с ними никакого секса себе не позволяет. Они после этих выходок смотрят на него с желанием, а он ест их энергию.

– А не мог он этому научиться действительно через медитацию?

– А ты такое когда-нибудь видел? Если бы я такое видел хотя бы еще у двух людей, то в это поверил бы. Он же ничего не объясняет, хоть начинали мы восемь лет назад вместе. Я много чего видел за это время и могу сказать, что подобных чудес не бывает. Но фокусы бывают.

– Хорошо, – сменил я тему, – а что я пережил с *Доктором* в лесу?

– Я же тебе говорил – *Доктор* исследует способы воздействия на сознание людей. Тема такая у него в институте. Его *PВ* – это способ создать экран, на который проецируются все бессознательные желания. Он отбирает тех, у кого «про-ек-ция близ-ка его кон-цеп-ции», – эти слова *Локка* издевательски произнес нараспев, и было видно, что не в первый раз, – а потом работает с ними. Отчеты, наверное, пишет. Он тебе предложит совместную медитацию, вот увидишь.

Локка встал, давая понять, что интервью закончилось.

Я напоследок спросил, где найти *Скандинава* и *Упыря*.

– Их шалаши где-то в лесу. Но я там никогда не был. Не люблю я этих монстров, – ответил он.

Доктора я встретил возле хаты, как только спустился вниз.

– Можно поговорить о том, что было в лесу? – спросил я.

– Конечно, конечно, – быстро ответил *Доктор*.

Мы зашли в домик и сели на скамейку.

– Во время *PВ*, – начал он, – у тебя разрушаются все фигуры в поле зрения, и ты начинаешь видеть не глазами, а всем телом. Если, конечно, все делаешь правильно. Ты случайно

все сделал правильно и увидел то, что другие считают лишь метафорой – лес как живое существо. Считай, что ты получил один балл за понимание. Если бы лес был мертвым или искусственным, посадкой, например, ты бы ничего этого не увидел. Но здесь лес живой. Ему тысячи лет. *Растворяя восприятие*, ты вступаешь с живым лесом в такой же контакт, как и при встрече взглядом с человеком. Понятно?

– Понятно. А другие видели?

– Нет, они все делают неправильно. Но научатся. За неделю научатся.

– Знаешь, что, – продолжил он после минутной паузы, – давай поработаем вместе. Можно будет усилить то, что получилось у тебя. Приходи ко мне завтра после обеда.

– Еще вопрос, – задержал я его, невольно вздрогнув от столь скорого исполнения предсказания *Локки*, – а что такое *иероглифы у Барбароссы*?

– Это целостное выражение ситуации в виде позы тела или рисунка на бумаге.

Я рассказал про ночное приключение с *Барбароссой*.

– Именно так и бывает, – сказал *Доктор*. – Целостность Вали столкнулась с целостностью леса, и *Барбаросса* нашел правильный способ снятия конфликта между ними. *Иероглиф* – концентрированное выражение смысла – *эйдоса*. С удаленными от нас существами мы не можем общаться посредством языка, но общаемся посредством *эйдосов*. Девочка содрала с себя оболочку языка и столкнулась с голыми *эйдосами* леса. Это страшно. *Барбароссе* пришлось заслонить ее *эйдосами*, понятными и лесу, и ей самой. Ты тоже в *РВ* снял оболочку языка и соприкоснулся с *эйдосом* леса, но тут же перевел в образный язык. Твой образ ближе к Реальности, но Валя увидела Реальность прямо. Еще раз говорю, это страшно – дотронуться до Реальности своим *эйдетическим* нутром без защиты языка.

– А где находится светящаяся поляна? – спросил я без дипломатии.

– Не знаю, я несколько раз встречался с подобным эффектом, но в разных местах.

– В присутствии *Барбароссы*?

– Не только, – самодовольно ухмыльнулся *Доктор*, – выполни правильно *Растворение*, и не такое увидишь.

– Но я ведь не делал *РВ*! – воскликнул я.

– Еще как делал. Как вы шли за *Барбароссой*?

– В такт...

– Вот-вот. Через час такой ходьбы *Растворение* получается безо всяких усилий. А девочка, видно, была к этому склонна.

Разговор закончился.

С верхней площадки донеслись голоса. Там вокруг *Меченого* собралась небольшая толпа. Он расставил всех по кругу и встал в центре. На вид ему было лет двадцать пять.

На его щеке расплзлось красное родимое пятно. Он медленно двигался, совершая нечто, напоминающее каратеистские ката. Он пригласил желающих приблизиться к нему и нанести удар.

Один из стоявших парней быстрым движением оказался рядом и резко ударил сначала левой ногой по корпусу, а затем провел серию прямых уларов. *Меченый*, не ускоряя движения, медленно и грациозно ускользнул, столь же медленно поднял руки вверх и попал ногой в грудь наглецу. Тот поперхнулся и упал. Впрочем, удар был не очень сильный, и нападавший сразу же поднялся.

– Кто еще хочет? – *Меченый* внимательно посмотрел на меня.

Я вдруг понял, что для победы нужно совершить нечто нетривиальное. Движения *Меченого* были совершенны. Противодействовать им можно было только на уровне такого же совершенства.

Я вошел в круг и вдруг почувствовал, что нужно двигаться параллельно движениям *Меченого*. Он медленно нанес прямой удар рукой.

Развернувшись, я сделал такой же удар в воздух. Сбил он меня с ног только на второй минуте и одобрительно похлопал по плечу. Как я понял, я набрал еще один балл.

Времени до ужина оставалось еще достаточно много. С *Доктором* в лес я не пошел, а отправился наверх в палатку. Прилег, и только погрузился в приятную дремоту, как внизу раздался голос *Скандинава*. Я быстро выскочил наружу и спустился. *Скандинав* повернулся ко мне, как будто давно меня ждал.

– Я хочу задать несколько вопросов, – робко начал я.

– Иди за мной, – сказал он, и мы двинулись в лес.

По дороге я несколько раз пытался заговорить, но *Скандинав* отвечал скороговоркой, мол, потом-потом. Через полчаса мы вышли к его «шалашу». Маскировка была превосходной. С расстояния в два метра его жилище казалось беспорядочной кучей веток. Только приглядевшись, можно было обнаружить аккуратный вход. Пригнувшись, мы вошли внутрь. Я осмотрелся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.